

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХІІІ

1911



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1911





ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ



ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
ЯНВАРЬ, 1911 Г.



ПОСЛѢДНІЕ ОРЛЫ.

(Силуэты конца XIX вѣка).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Литературно-театральный комитетъ 90-хъ годовъ.—Д. В. Григоровичъ-предсѣдатель.—
Его ненависть къ чиновникамъ конторы.—А. А. Потѣхинъ и П. И. Вейнбергъ.—
Картина засѣданія.—Отчего я покинулъ комитетъ.

I.



ВЪ 1891 ГОДУ директоръ императорскихъ театровъ, покойный Иванъ Александровичъ Всеволожскій, задумалъ реформу театрально-литературнаго комитета. За полтора года до этого прежній комитетъ былъ уничтоженъ, и, въ сущности, безъ особой надобности. Его члены весьма усердно слушали авторское чтеніе, пили чай, одобряли или браковали содержимое читаемаго,—однимъ словомъ, вели себя такъ, какъ ведутъ любые члены любого комитета. Единственный крупный дефектъ этого учрежденія былъ тотъ, что авторы должны были лично прочитывать свои произведенія, и потому члены были обречены нерѣдко на четырехчасовое истязаніе: извѣстно, какъ въ большинствѣ случаевъ у насъ читаютъ авторы. Но совѣщались члены о судьбѣ пьесы, исторгнувъ ея виновника изъ своей среды,—и онъ томился въ проходной комнатѣ, рядомъ съ заломъ засѣданій, сидя подъ гигантскимъ портретомъ императора Николая I и слыша всѣ пренія изъ-за двери. Иные авторы для большей убѣдительности брали съ собой шестиствольные револь-

А. С. Суворину, и осенью 1900 года ее играли въ петербургскомъ Маломъ театрѣ. Ошибка постановки была въ томъ, что ее играли комедіей, отсюда тяжесть, неуклюжесть исполненія. Но наступить время, когда публика съ такимъ же восторгомъ будетъ принимать «Смерть Тарелкина», какъ теперь принимаетъ гоголевскую «Женитьбу». Сцены слѣдствія, что ведетъ Расплюевъ, безподобны. Никто такъ близко не подошелъ къ Гоголю по красочности и силѣ діалога, какъ Сухово-Кобылинъ въ сценахъ съ дворникомъ, помѣщикомъ и бывшей возлюбленной Тарелкина. Здѣсь комизмъ, ширясь, достигаетъ своего апогея, и остается изумляться, какъ до сихъ поръ находится въ забвеніи эта удивительная пьеса. Со временемъ, быть можетъ, и энциклопедическіе словари измѣнятъ свой узкій взглядъ на творчество одного изъ самыхъ талантливыхъ русскихъ драматурговъ.

III.

Смѣхъ присущъ русскому писателю, и никакая тенденціозность и глубочайшіе замыслы произведеній не мѣшаютъ ему прорываться на свѣтъ. Какъ Шекспиръ, создавшій «Гамлета», «Макбета», «Лира», не гнушается созданіемъ «Много шума», «Крещенскаго вечера» и «Усмиренія строптивой», такъ и Левъ Толстой, величайшій проповѣдникъ, не гнушается Гросманомъ, Вово, Петрищевымъ, — такъ и Чеховъ, авторъ «Палаты № 6», пишетъ «Юбилей» и «Свадьбу». И какое счастье для человѣчества, что тоскующій, самосожигающій Гоголь оставилъ намъ не только «Переписку съ друзьями», которую могъ и не оставлять, но и «совершенно невѣроятное событіе» — «Женитьбу», гдѣ его сатира въ анализѣ средней человѣческой души достигаетъ удивительной высоты.

Мы боимся смѣха и веселья, намъ стыдно быть веселыми. Я помню, какъ въ первый разъ давали «Юбилей», и какъ негодовала публика. Въ партерѣ возмущались:

— Можно ли ставить на образцовой сценѣ такой балаганъ!

Эти фарисеи, конечно, въ душѣ были рады смѣху, но считали его неприличнымъ для своего гражданскаго достоинства. А. П. Чеховъ не даромъ писалъ мнѣ, что боится за «Юбилей», что это слишкомъ легкомысленно для автора «Сахалина», который стоилъ ему чашки, а можетъ быть и жизни. А въ то же время онъ говорилъ:

— Ну, что можетъ быть лучше веселаго водевиля! Вотъ и Левъ Николаевичъ изъ всѣхъ моихъ театральныхъ писаній только и признаетъ, что водевиль.

Мягкій, уступчивый, снисходительный, Антонъ Павловичъ поддавался вліянію окружающихъ. Но и мстилъ же онъ имъ. Мстилъ, какъ можетъ мстить только талантливый юмористъ.

Ему говорили:

— Бросьте писать рассказы. Мы ждемъ отъ васъ крупнаго.

Онъ поправлялъ пенснэ, поглаживалъ волосы, неопредѣленно побрякивалъ и жаловался друзьямъ:

— Подъ именемъ «крупнаго» они подразумѣваютъ длинное. Они все привыкли мѣрить погонными саженьями.

Когда ему представили «необходимость» въ поѣздкѣ на Сахалинъ, онъ повѣрилъ и поѣхалъ.

— Какой-то гнусный кошмаръ!—говорилъ онъ потомъ.—Я чувствовалъ, что превращаюсь въ газетнаго репортера или въ сотрудника календаря по статистическому отдѣлу. Сколько потрачено даромъ времени, труда и здоровья!

Московская пресса, какъ всегда, зажирѣвшая и лицемѣрная (это слова Чехова), долго не хотѣла признавать его талантомъ. Въ Петербургѣ онъ уже пережилъ блестящій успѣхъ «Иванова», и его знали и любили и какъ Чехонте и какъ Чехова. Московскіе критики въ это время писали о немъ ученые статьи, пережевывая старую мочалу, утверждая, что Тургеневъ писалъ лучше. Не знаю, кто изъ нихъ обмолвился такою геніальною сентенціей, но Антонъ Павловичъ не могъ этого переварить, и въ концѣ концовъ вложилъ фразу о Тургеневѣ въ рѣчи литератора Тригорина въ «Чайкѣ». Онъ видѣлъ насквозь всю ветошь и раздутость московскихъ ученыхъ, и наконецъ не выдержалъ, и разрѣшился очаровательной фигурой Серебрякова, «отставнаго» профессора въ «Дядѣ Ванѣ».

Въ Чеховѣ давно «накипалъ» этотъ типъ. Помню, какъ, читая «критику», онъ возмущался не тѣмъ, что писали, но какимъ путемъ можно было додуматься до такихъ сентенцій.

— Вѣдь за эту чепуху имъ деньги платять!—говорилъ онъ.—Вы прочтите нынѣшнюю книжку «Артиста», что пишетъ N. N. Нѣтъ, что онъ пишетъ! А у насъ почитываютъ и ушами похлопываютъ!

И вотъ, наконецъ, дядя Ваня далъ аттестатъ «старому сухарю, ученой воблѣ». «Сынъ простаго дьячка, бурсакъ, добился ученыхъ степеней, сталъ его превосходительствомъ, зятемъ сенатора... Человѣкъ ровно двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ объ искусствѣ, ровно ничего не понимая въ искусствѣ. Двадцать пять лѣтъ онъ пережевываетъ чужія мысли о реализмѣ, натурализмѣ и всякомъ другомъ вздорѣ; двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ о томъ, что умнымъ давно ужъ извѣстно, а для глупыхъ не интересно, значить двадцать пять лѣтъ переливаетъ изъ пустого въ порожнее. И въ то же время какое самомнѣніе! Какія претензіи!..»

IV.

Вообразите положеніе трехъ профессоровъ, судящихъ «Дядю Ваню» въ литературномъ комитетѣ. Вообразите, какъ они между строкъ чувствуютъ, что стрѣлы направлены именно въ нихъ, а не въ кого другого.

Что же имъ оставалось?

Они предложили автору передѣлку нѣкоторыхъ сценъ, найдя ихъ неестественными.

Вобла судила Чехова!

Чеховъ отказался слѣдовать указаніямъ воблы.

Друзья Антона Павловича схватились за послѣднее—повезли его къ управляющему московскими театрами. Несмотря на Страстную седмицу, онъ ихъ великодушно принялъ и изрекъ:

— Хотите, мы поставимъ какую-нибудь другую вашу пьесу. Вѣдь у васъ, кажется, есть еще пьесы?

Увы! послѣ этой фразы сцена Малаго таетра не увидѣла ни одной пьесы Чехова, и онъ для казенныхъ московскихъ театровъ былъ потерянъ навсегда.

«Воблы» больше нѣтъ въ московскомъ комитетѣ. Пьеса не передѣлана и осталась «неестественной», тѣмъ не менѣе составляя одинъ изъ крупнѣйшихъ вкладовъ въ драматическую сокровищницу конца XIX вѣка.

Л. Н. Толстой, искренно любя Чехова, не любилъ его пьесъ.

— Это у васъ напускное отъ Ибсена,—говорилъ онъ.—А Ибсенъ самъ-то немного стоитъ. Авторъ долженъ захватывать зрителя, и не вѣжливо, подъ руку, а сильно, за шиворотъ. Авторъ долженъ вести зрителя за собой, куда онъ хочетъ, и не позволять оглядываться по сторонамъ. Онъ долженъ вести его за своимъ героемъ впередъ и впередъ. А куда я пойду за вашимъ героемъ? Съ дивана до и обратно, потому что ему и ходить-то больше некуда. Куда какъ интересно!

И они оба хохотали, и Толстой, и Чеховъ.

Чеховъ говорилъ мнѣ:

— Пишешь пьесу, уводишь со сцены героя, и сейчасъ Левъ Николаевичъ вспомнится: куда онъ пошелъ? Сидишь одинъ—и смѣхъ и зло разбираетъ.

Я уже имѣлъ случай, въ «Сборникѣ» по случаю 80-лѣтія Толстого, рассказать, какъ единственнымъ утѣшеніемъ Чехова было то, что Л. Н., ругая его пьесы, говорилъ:

— Вы знаете, я терпѣть не могу шекспировскихъ пьесъ, но ваши еще хуже.

— И зачѣмъ я пишу комедіи!—сокрушался Антонъ Павловичъ.—Совсѣмъ этого не надо. То ли дѣло,—писалъ бы водевильчики! Ахъ, что можетъ быть лучше маленькаго веселаго водевильчика, такого веселаго, чтобъ у зрителей отъ хохота всѣ пуговицы отлетѣли. И какъ это здорово для нашего геморроидальнаго организма! Былъ бы я богатъ, писалъ бы маленькіе, маленькіе раз-

сказцы, страничекъ по пяти, и десять разсказовъ въ годъ, не больше. То-то счастье было бы! А то теперь все погонной саженью мѣришь, тянешь канитель, чтобъ только тебя вобла снисходительно погладила по головкѣ.

V.

Вспоминается мнѣ одинъ характерный случай.

Собрались у меня вечеромъ справлять крещенскій вечеръ—англійскій Twelfth Night,—съ неизбѣжнымъ запеченнымъ въ пирогахъ бобомъ. Много дурачились и смѣялись. Одна перезрѣлая писательница, теперь уже покойная, впервые познакомилась въ этотъ вечеръ съ Чеховымъ,—и повисла на его шеѣ, съ чѣмъ его не безъ комизма поздравляли Вас. И. Немировичъ-Данченко и В. А. Тихоновъ. Душою вечера былъ художникъ S., устроившій импровизованный кабаре съ панорамой силуэтовъ. S. былъ талантливъ не только какъ художникъ, но и какъ симуляторъ всевозможныхъ психическихъ явленій. Послѣ ужина ему съ чего-то вздумалось разыграть нервный припадокъ. Я отнесся къ этому совершенно равнодушно, но Чеховъ вступилъ въ обязанности врача, увелъ его въ мой кабинетъ и, несмотря на собственную повышенную температуру, произвелъ самый серьезный діагнозъ надъ пациентомъ. Вышелъ онъ къ намъ съ серьезнымъ лицомъ и началъ сообщать, что у S. недоразвившійся скелетъ и что онъ форменный неврастеникъ. Но тутъ В. А. Тихоновъ обварилъ его замѣчаніемъ:

— Антонъ Павловичъ, голубчикъ! За носъ онъ васъ водить. Здоровъ онъ, какъ мы съ вами. Просто симуляція.

У Антона Павловича перекривилось пенсне на носу отъ неожиданности.

— Что вы говорите?

— Да ужъ повѣрьте... Спросите у хозяина... онъ подтвердитъ.

Чеховъ помолчалъ съ минуту. Опять ушелъ въ кабинетъ и началъ возиться съ пациентомъ снова.

— Да тащите вы его сюда!—говорили мнѣ:—что его тамъ морочать...

Я пошелъ за Чеховымъ.

— Дайте бумажки и чернилъ,—попросилъ онъ.—У васъ аптека недалеко?

Онъ присѣлъ къ моему столу, написалъ рецептъ, наверху поставилъ со знакомъ восклицанія *statim!* и собрался самъ пойти, несмотря на четвертый часъ утра.

Я убѣдилъ его послать прислугу. Тогда онъ началъ таинственно совѣщаться съ горничной. Я видѣлъ, какъ онъ давалъ ей три рубля и говорилъ:

— Васъ не больше, какъ на пять минутъ, задержать. Скажите, что докторъ не уѣзжаетъ отъ больного и ждетъ лекарства.

А. П. вернулся къ намъ. На губахъ его играла какая-то неопредѣленная улыбка. Дамы спрашивали, какъ себя чувствуетъ S.

— Ему нуженъ покой,—сказалъ Чеховъ.—Я его просилъ не вставать. Черезъ четверть часа онъ будетъ здоровъ.

Онъ пилъ кофе и джинджеръ, все поглядывая на часы, какъ бы въ предвкушеніи какого-то пріятнаго ожиданія. И въ самомъ дѣлѣ—черезъ четверть часа микстура была принесена.

Антонъ Павловичъ съ торжествомъ отправился въ кабинетъ. Здѣсь, еще разъ участливо справившись о здоровьѣ больного, онъ сказалъ:

— Сейчасъ вы себя не узнаете.

Онъ развернулъ бумагу, вынулъ флаконъ, тщательно прочелъ сигнатурку, затѣмъ оторвалъ ее и сунулъ въ жилетный карманъ, какъ бы истребляя всѣ слѣды преступленія. Потомъ попросилъ столовую ложку, понюхалъ содержимое въ склянкѣ и попросилъ меня уйти.

Черезъ минуту онъ торжествующій вернулся въ столовую, по дорогѣ сунувъ горничной въ руку остатки флакона и сказавъ: «вылейте эту дрянь сейчасъ же».

— Ну, что? спросили его.—Какъ?

— Сейчасъ придетъ,—отвѣчалъ онъ.

И художникъ дѣйствительно явился. Лицо его сохраняло слѣды какого-то страннаго изумленія,—точно какое-то явленіе «непостижное уму» открылъ ему Чеховъ. А Антонъ Павловичъ, наклонясь къ моему уху, сказалъ:

— Я поклянусь вамъ самымъ дорогимъ, что у меня есть теперь въ жизни,—тѣмъ гонораромъ, что я послѣзавтра получу изъ магазина «Н. В.»,—что художникъ при мнѣ болѣе симулировать никогда не будетъ.

Я такъ и не узналъ, что ему преподнесъ Антонъ Павловичъ,—но думаю, что впечатлѣніе снадобья было поразительное.

VI.

Разошлись отъ меня по-петербургски,—должно быть, часу въ седьмомъ утра. Помню, что благовѣстили всѣ церкви. Дама-писательница спрашивала уже на лѣстницѣ Антона Павловича:

— Такъ придете?

— Можетъ быть,—но я думаю завтра въ Москву.

— Но если останетесь?—умоляюще говорила она.

— Ну, если останусь,—сдавался Чеховъ.

— Тогда заглянете?

— Не могу сказать...

Онъ медлилъ, предоставляя ей спуститься внизъ, изъ боязни, чтобъ она не предложила провожать ее.

— Я жду васъ!—крикнула она снизу.

— Очень радъ!—отвѣчалъ онъ сверху и, обратившись ко мнѣ, прибавилъ:

— Какая милая, но назойливая дама!

— Да завтра, Антонъ Павловичъ!—какъ слабое эхо донеслось откуда-то.

Часу въ двѣнадцатомъ дня меня будятъ.

— Письмо отъ г-жи Н. Ждутъ отвѣта.

— Что такое? Вѣдь только что ушла...

Читаю.

«А. П. прислалъ мнѣ записку. Онъ очень боленъ. Не прилагаетъ адреса. Ради Бога, гдѣ онъ остановился?»

Сообщаю ей адресъ и удивляюсь, когда успѣлъ А. П. заболѣть, да еще увѣдомить объ этомъ г-жу Н.

Часа въ три ѣду по Невскому. Вижу, шагаетъ Антонъ Павловичъ; выскакиваю изъ саней.

— Вы здоровы?

На лицѣ его явное недоумѣніе.

— Или я со вчерашняго не проснулся, или всѣ сошли съ ума,—говорить онъ.—Я сейчасъ получилъ письмо отъ этой толстенькой дамы. Я здоровъ, какъ быкъ, а она почему-то соболѣзнуеть. Теперь вы! Что за чертовщина! Я только что отправилъ вамъ письмо по этому поводу.

Оказалось, что писательница не разобрала спросонья письма, полученнаго отъ кого-то изъ знакомыхъ, и, вообразивъ, что оно отъ Чехова, стала пороть горячку.

Потомъ Чеховъ, при каждой встрѣчѣ, у меня спрашивалъ:

— А что жива эта толстенькая дама? Мнѣ очень хочется пустить ее въ какую-нибудь комедію. Да скажутъ—утрировка.

Насколько Чехова манила прежде петербургская сцена, настолько послѣ провала «Чайки» онъ получилъ отъ нея отвращенія,—и всегда говорилъ:

— Нѣтъ, знаете, все-таки лучше отъ нея подальше.

Въ послѣдній разъ встрѣтился я съ нимъ года за полтора до смерти.

— Все въ Финляндіи живете?—спросилъ онъ.

— Въ Финляндіи.

— Счастливецъ. А я—все въ Ялтѣ. Какъ она мнѣ претитъ. Сколько разъ я вспоминалъ васъ. Я понялъ только теперь, почему вы не любите Крыма и остерегали меня строиться тамъ. Если живешь въ Крыму, на сѣверъ уже нельзя возвращаться,—надо закупориться тамъ навсегда. А то пріѣдешь на сѣверъ—и все равно, какъ въ теплый стаканъ нальешь холоднаго молока: непременно треснетъ.

— Я не люблю жары, а холодъ переносу съ удовольствіемъ,— сказалъ я.

— Да, холодъ здоровѣе!—задумчиво отвѣтилъ онъ.—Жаръ ослабляетъ и приводитъ въ нервное состояніе...

Потомъ, помолчавъ, прибавилъ:

— Намъ, писателямъ, необходимо каждый разъ на ночь обтираться одеколономъ. Это одно успокаиваетъ нервы и даетъ сонъ.

VIII.

Въ восьмидесятыхъ годахъ, въ Петербургѣ, на Моховой улицѣ, на Сергіевской, иногда на набережной Невы и въ Лѣтнемъ саду, изрѣдка на Невскомъ, можно было видѣть маленькаго старичка съ палкой, въ синихъ очкахъ, неторопливо совершающаго свою обычную прогулку. Онъ не замѣчалъ, или старался не замѣчать, проходящихъ. Только иногда, сидя на скамейкѣ Лѣтняго сада, поглядывалъ онъ менѣе строго на гуляющихъ, и съ подходящими знакомыми вступалъ даже въ разговоры. Это былъ авторъ «Обломова» и «Обрыва»—Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

Отъ прежняго Гончарова, какимъ его знали и рисовали современники, остались только слабыя искры. Ворчливый, привередливый, замкнутый въ своей маленькой квартирѣ на Моховой, онъ всѣхъ чуждался. Его уважали, но звали чужакомъ и какъ будто избѣгали. Мнѣ въ ту пору доводилось его встрѣчать въ Русскомъ литературномъ обществѣ, занимавшемъ то помѣщеніе, гдѣ теперь, со стороны Мойки, помѣщается ресторанъ «Медвѣдь». Въ восьмидесятыхъ годахъ я читалъ въ драматической школѣ, что была при обществѣ, исторію театра, замѣстивъ П. Д. Боборыкина, уѣхавшаго за границу. На школьные экзаменаціонные спектакли съѣзжалось много публики. Разъ пріѣзжаю я,—оказывается цѣлое событіе: кромѣ обычныхъ посѣтителей—«дѣда» Мордовцева, Григоровича, Случевского, Плещеева,—пріѣхалъ и Иванъ Александровичъ.

Засталъ я его сидящимъ въ самомъ благодушномъ настроеніи съ артисткой Н. С. Васильевой, которая преподавала у насъ въ школѣ.

Увидя меня, она воскликнула:

— А вотъ и авторъ!

Оказывается, она звала Гончарова посмотрѣть въ Александринскомъ театрѣ мои «Горящіе письма», гдѣ играла главную роль. Гончаровъ посмѣивался, опираясь на свою палочку, и говорилъ:

— Я въ театры не хожу. Пріѣхалъ на вашъ экзаменъ,—чтобъ увидѣть спектакль, должно быть, послѣдній разъ въ жизни. А «Горящіе письма» мнѣ дома прочли два раза. Такой тонкій діалогъ, я